

стоитъ въ 90 бумагахъ — 600 р. и въ наличности—96 р. 30 к. Членскій взносъ по 4 р. за 1897 годъ поступилъ отъ *В. И. Вернадскаго*; за 1898 годъ отъ гг. *А. Ф. Самойлова*, *Е. М. Соколовой*, *И. Я. Словова*, *Н. Я. Динника* и г. *Кочибе*; за 1899 годъ отъ гг. *Н. Н. Новокрестьянскъ*, *Л. З. Морозови*, *М. М. Хомякова*, *Ө. А. Игнатъева* и *Н. Н. Любавина*.

27. Въ дѣйствительные члены Общества избранъ Prof. Dr. *D. Greccsci* въ Бухарестѣ (по предложенію М. И. Голенкина и В. Д. Соколова).

28. Въ дѣйствительные члены Общества предложенъ Dr. *K. Giesenharti* въ Мюнхенѣ (по предложенію М. И. Голенкина, Н. Н. Горожанкина и В. А. Дейнеги).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

✓✓ Замѣтка о *Daphne Sophia Kalen.*

М. Голенкина.

Въ Bulletin des Nat. de Moscou за 1849 годъ д-ръ Калениченко описалъ новый видъ *Daphne*, который и назвалъ *D. Sophia* (*Kaleniczenko: Quelques mots sur les daphnès russes etc. и Enumeratio daphnidum inter Rossici limites Imperii obvenientium*). Какъ видно изъ крайне подробнаго описанія Калениченка новый видъ близокъ къ *Daphne*, найденной еще въ концѣ прошлаго столѣтія д-ромъ Патриномъ на Алтайскихъ горахъ и описанной въ 1786 году Палласомъ подъ названіемъ *D. altaica* (*Pallas Fl. ross. I, p. 53, t. 35*), но отличается отъ нея однимъ существеннымъ признакомъ, именно присутствіемъ прицвѣтниковъ. Другой, менѣе существенный признакъ составляетъ отношеніе трубочки цвѣтка къ отгибу, которая у *D. altaica* вдвое длиннѣе отгиба, а у *D. Sophia* почти второе. Сравненіе рисунковъ *D. altaica* Pall. *) съ рисункомъ Калениченка заставляетъ на первый взглядъ признать *D. Sophia* за видъ рѣзко отличный отъ *D. altaica* Pall.. Такъ дѣйствительно думали всѣ русскіе и иностранные систематики, начиная съ Ледебера и кончая Шмальгаузеномъ. Между тѣмъ точное опредѣленіе *Daphne*, найденной Калениченко, должно бы было имѣть значительный интересъ, т. к. *D. Sophia* была найдена всего въ трехъ мѣстахъ, лежащихъ недалеко другъ отъ друга, имен-

*) Кромѣ рисунка Палласа хорошій рисунокъ *D. altaica* помещенъ въ „Botanical Magaz.“ Т. 44, tab. 1875.

но на мѣловыхъ горахъ, поросшихъ сосновымъ лѣсомъ, близъ с. Бекарюковки, на р. Нежеголи, Корочанскаго уѣзда, Курской губ. (*Locus classicus*), на мѣловыхъ же скалахъ въ дубовыхъ лѣсахъ близъ села Соломино, Бѣлгородскаго у. и въ такихъ же лѣсахъ по рѣкѣ Коринкѣ, Волчанскаго уѣзда, Харьковской губ. Съ тѣхъ поръ ни одного новаго мѣстообитанія новаго вида указано не было, несмотря на то, что обѣ названныя губерніи и ближайшія къ нимъ принадлежать къ числу сравнительно недурно изслѣдованныхъ. Т. обр. *Daphne Sophia* Kal. нужно бы было причислить къ числу рѣдчайшихъ эндемическихъ видовъ земли, а это тѣмъ болѣе интересно, что встрѣчается этотъ видъ въ центрѣ Россіи, въ черноземной ея области, относительно условій происхожденія которой идутъ такіе продолжительные и страстные споры между почти всѣми русскими ботанико-географами. Такимъ эндемическимъ видомъ считаютъ *Daphne Sophia* дѣйствительно Шмальгаузенъ (Флора ср. и южной Россіи), Литвиновъ (Геоботаническія замѣтки: *Bulletin des nat. de Moscou* 1890 года), Herder (*Die Flora des europaischen Russlands in Engler's Botanische Jahrbücher*, 1892), да повидимому и всѣ другіе русскіе, а за ними и иностранные, ботаники (см. *Nyman: Conspectus florum europaeae; Gilg in Engler Prantl's Natürlichen Pflanzenfamilien, Thymeleaceae* *).

Въ 1889 году Д. П. Литвиновъ доставилъ въ Москву, въ ботаническій садъ университета, нѣсколько экземпляровъ *Daphne Sophia* изъ Бекарюковки, которые, благодаря заботамъ покойнаго главнаго садовника Г. Ф. Вобста, прекрасно прижились и начали отлично цвѣсти. Изъ Московскаго сада эта *Daphne* начала распространяться подъ именемъ *D. Sophia* и по другимъ университетскимъ, между прочимъ и иностраннымъ, садамъ. При сравненіи цвѣтущихъ культурныхъ экземпляровъ *Daphne* съ рисункомъ Калениченки можно было замѣтить сразу большое различіе, и это заставило меня повнимательнѣе изучить это растеніе. Какъ разъ въ это время я нашелъ среди гербаріевъ ботанич. сада Московскаго университета экземпляры *D. Sophia*, собранные самимъ Калениченкомъ, и изученіе ихъ сразу выяснило причины различія между культурными экземплярами *Daphne*

---

*) Отмѣчу здѣсь одинъ курьезъ: Gilg раздѣляетъ весь родъ *Daphne* на нѣсколько секцій и подсекцій; подсек. *Sophia* характеризуется цвѣтками конечными, въ головкахъ безъ прицвѣтничковъ, и сюда относится *D. Sophia* Kalen., главный характерный признакъ которой состоитъ въ отсутствіи прицвѣтничковъ.

и его рисункомъ, а также и то, что *D. Sophia* Kal. есть не что иное какъ *D. altaica* Pall. Калениченко собиралъ, какъ онъ самъ говоритъ на стр. 316 (1. с.), названный кустарникъ во время его второго цвѣтенія—11 июля 1846 г. съ уже зрѣлыми плодами отъ весенняго цвѣтенія *). Эти вторые цвѣтки помѣщаются, какъ это видно и на его рисункѣ, на уже бурыхъ одревесѣвшихъ весеннихъ побѣгахъ и окружены густо сидящими крупными, старыми листьями (*folia... usque ad florum capitulum circa circumposita*), тогда какъ на весеннихъ культурныхъ и дикихъ, собранныхъ г. Липдеманомъ, экземплярахъ цвѣтки помѣщаются на зеленыхъ побѣгахъ и надъ молодыми листьями. Такіе цвѣтушіе побѣги *D. Sophia* вполне сходны съ рисункомъ Палласа. Никакого слѣда прицвѣтниковъ на культурныхъ экземплярахъ замѣчено не было, несмотря на самое тщательное изслѣдованіе молодыхъ соцвѣтій. Очевидно, что при второмъ цвѣтеніи цвѣтоносный побѣгъ, сильно вытягивающійся весной, не развился, его листья также остановились на молодой стадіи и были приняты Калениченко за прицвѣтники. Надо впрочемъ замѣтить, что самъ Калениченко замѣтилъ что-то неладное въ этихъ „прицвѣтникахъ“ и говоритъ о нихъ такъ: *capitulum bracteatum; bracteae gemmaeae (foliola floralia) circum capitulum adnatae, rugosae numero sex ad decem... costatae venosae* (ib. pag 313). Спустя 25 лѣтъ Калениченко помѣстилъ въ тѣхъ же *Bulletin* (Tome XLVI, 1873) вторую замѣтку о *Daphne*, изъ которой видно, что и ему самому не удалось наблюдать на весеннихъ соцвѣтїяхъ, но на осеннихъ эти прицвѣтники появлялись (даже у культурныхъ экземпляровъ) съ замѣчательнымъ постоянствомъ. На основаніи этого послѣдняго обстоятельства Калениченко продолжалъ считать свою курскую *Daphne* за самостоятельный видъ, отличающійся отъ *D. altaica* присутствіемъ прицвѣтниковъ. Изслѣдованіе аутентичныхъ экземпляровъ Калениченка показало немедленно морфологическую природу этихъ „прицвѣтниковъ“. Тоже изслѣдованіе показало, что К. срисовалъ не вполне распустившіеся цвѣтки съ ненормально развитымъ короткимъ отгибомъ, тогда какъ нормальные

---

*) Несмотря на обильное цвѣтеніе, въ Московскомъ саду ни разу не наблюдалось образованіе плодовъ. Попытки искусственнаго опыленія до сихъ поръ тоже не привели ни къ какимъ результатамъ. Замѣчательно, что и въ саду у Калениченка (Харьковской губ.) эта *Daphne* не смотря на обильное цвѣтеніе не приносила плодовъ. Въ Московскомъ Саду *D. Sophia* сидитъ рядомъ съ *D. Mezereum*, ежегодно приносящей много плодовъ.

цвѣтки отличаются отъ цвѣтковъ *D. altaica*, полученной мною для сравненія благодаря любезности дирекціи изъ гербарія Спб. ботаническаго сада, лишъ немного болѣе острыми долями отгиба; но на рисункѣ Палласа и на рисункѣ въ „*Botan. Magazine*“ цвѣтки *D. altaica* изображены тоже съ острыми долями, т.-е. форма долей признаковъ непостоянный.

Сравнительно - анатомическое изслѣдованіе алтайской и курской *Darhne* показало только, что у первой годичные слои стебля гораздо уже, а пробка развита гораздо сильнѣе, чѣмъ у второй. Къ сожалѣнію, я не имѣлъ подъ руками культурныхъ экземпляровъ алтайской *Darhne* и не могу сказать, насколько ширина годичныхъ слоевъ и наблюдающееся въ нихъ нѣсколько отличное отъ курской *Darhne* расположеніе сосудовъ, а также толщина пробки—постоянные признаки. Думаю однако, что это признаки не существенные, вызванные лишь разницею въ условіяхъ существованія, подобно болѣе длиннымъ междоузліямъ и болѣе крупнымъ листьямъ курскихъ экземпляровъ; а въ такомъ случаѣ *D. Sophia Kal.* есть только синонимъ *D. altaica Pall.* Самое большее, что курская *Darhne* есть климатическая форма *D. altaica Pall* *).

Теперь возникаетъ вопросъ, какъ попалъ алтайскій кустарникъ въ южную часть Курской губ.? Область, въ которой была найдена *Darhne* привлекаетъ до сихъ поръ вниманіе ботанико-географовъ. Это область мѣловыхъ скалъ съ сосновыми на нихъ лѣсами и цѣлымъ рядомъ мѣловыхъ, отчасти какъ и *Darhne* считавшихся эндемичными, растений. Относительно этой растительности существуютъ различные взгляды: одни, какъ Литвиновъ, Акинфіевъ, Красновъ, считаютъ флору южно-русскихъ боровъ на скалахъ известняка и мѣла за реликтовую флору горнаго характера, т.-е. за флору горнаго хребта, бывшаго несомнѣнно на мѣстѣ Донецкой возвышенности, не затронутую вліяніемъ ледниковъ ледниковаго періода. Въ своихъ заключеніяхъ Литвиновъ, главный поборникъ этой гипотезы, и Акинфіевъ основываются между прочимъ на нахожденіи въ ней большого числа растений, распространенныхъ въ гористыхъ мѣстностяхъ, на-

---

*) Уже послѣ прочтенія реферата въ засѣданіи Общества я получилъ изъ садоводства Регеля и Кессельринга двѣ вѣтки настоящей *D. altaica*, культивируемой у нихъ въ саду. Изслѣдованіе ихъ показало, что толщина пробки и форма пробковыхъ кѣточекъ у алтайской и курской формъ остаются постоянными и въ культурѣ; по этому можно курскую форму считать анатомической разновидностью.

примѣръ въ Карпатахъ, въ Альпахъ, на Алтаѣ, въ Крыму, на Кавказѣ. Растенія, подобныя *Daphne*, *Leontice altaica* (ср. Акинфьевъ: Отчетъ о ботаническомъ изслѣдованіи Верхнедѣбрѣвскаго уѣзд. Екатеринославской губ., Труды Харьк. Общ. естествоиспыт. т. XXVIII), *Dentaria tenuifolia*, *Cotoneaster*, находятся такъ сказать *in situ*. Уничтоженіе *Daphne Sophia* какъ эндемическаго кустарника центральной Россіи не говоритъ ничего противъ этой гипотезы, наоборотъ какъ бы подтверждаетъ ее. Другое мнѣніе высказалъ г. Таліевъ *), подробно разобравшій доводы и доказательства сторонниковъ реликтоваго характера растительности ледниковаго періода. На основаніи этого разбора и собственныхъ наблюденій Таліевъ приходитъ къ отрицанію реликтоваго характера мѣловой растительности этой мѣстности и къ убѣжденію, что она носитъ всѣ черты сорной растительности, забравшейся въ данную мѣстность на мѣловыя скалы благодаря дѣятельности человѣка, обнажавшаго эти скалы отъ ихъ первичнаго лѣсного покрова и дававшего такимъ образомъ нѣкоторымъ растеніямъ, обладающимъ извѣстными приспособленіями къ переселенію, возможность поселяться на новыхъ мѣстахъ, а благодаря существованію у нѣкоторыхъ изъ нихъ извѣстной пластичности, приспосабливаться къ новымъ условіямъ существованія. Г. Таліевъ все свое вниманіе обратилъ на мѣловую и известковую растительность, какъ наиболѣе характерную для разбираемой мѣстности, насчитывающую наибольшее число эндемическихъ, или считающихся таковыми, рѣдкихъ формъ и служащую главною опорой для сторонниковъ реликтовой гипотезы.

Надо сознаться, что доказательства г. Таліева въ пользу могущественности вліянія человѣка на флору данной мѣстности и въ пользу необходимости признанія за этой дѣятельностью значенія фактора, дѣйствовавшаго не только въ настоящее, но и въ болѣе отдаленное время, довольно убѣдительны. Но эти соображенія не объясняютъ еще существованія многихъ эндемическихъ формъ въ мѣстности, не представляющей никакихъ естественныхъ границъ, и нахожденія въ ней многихъ растеній, появляющихся опять лишь въ отдаленныхъ горныхъ странахъ, въ Альпахъ, на Кавказѣ, въ Крыму, на Алтаѣ. Самъ г. Таліевъ говоритъ, что области, приле-

---

*) Таліевъ: „Къ вопросу о реликтовой растительности ледниковаго періода“. Тр. Харьк. Общ. 1897 г.; у него же см. и литературу.

гающія къ Донецкому бассейну «тяготеютъ къ горнымъ центрамъ», понимая, конечно, подъ этимъ выраженіемъ между прочимъ и большее число горныхъ видовъ, и считаетъ возможнымъ находженіе такъ назыв. эндемическихъ мѣловыхъ формъ въ ближайшихъ горныхъ областяхъ. При полной еще неизученности нашей мѣловой флоры, быть можетъ, и не придется прибѣгать къ этимъ горнымъ центрамъ, такъ какъ весьма возможно, что многіе эндемическіе мѣловые виды окажутся лишь почвенными разновидностями распространенныхъ растений; но это не объясняетъ существованія въ этой области видовъ, наприм., алтайскихъ, притомъ не найденныхъ нигдѣ въ пространствѣ между Курской Харьковской и Екатеринославской губ. и Алтаемъ. Подводить всѣ такіе рѣдкіе виды подъ понятіе «сорной» растительности, даже въ томъ смыслѣ какъ его опредѣляетъ г. Таліевъ-1. с. стр. 239), тоже невозможно. Несомнѣнно есть виды, въ расселеніи которыхъ участіе человѣка и вѣтра не только не можетъ быть доказано, но даже и предположено съ достовѣрностью. Но дѣятельность человѣка и вѣтеръ не исчерпываютъ еще число всѣхъ факторовъ, способствующихъ расселенію растений. Обратимъ особенно вниманіе на то обстоятельство, что всѣ такіе «горные» виды встрѣчаются по берегамъ рѣкъ, на склонахъ или на береговыхъ обрывахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ склоны эти доступны и посѣщаются человѣкомъ, въ другихъ же они недоступны ни для человѣка, ни для скота. Это справедливо для *Daphne*, для *Leontice altaica* (ср. Акинфіева), для *Corthusa Mahtiolii*, да и вообще для всѣхъ почти такихъ горныхъ, рѣдкихъ формъ, между прочимъ и для окскихъ (см. также Таліева 1. с. стр. 195 и слѣд.). Если мы теперь обратимся къ зоогеографіи, то увидимъ, что пути пролета птицъ въ Центральной Россіи во многихъ случаяхъ совпадаютъ съ рѣками (ср. Menzbier: Die Zugstrassen der Vögel im Europaëischen Russland. Bull. de la Soc. Imp. des Nat. de Moscou 1886 г.) *). Въ прежнія времена, когда лѣса почти сплошь покрывали большую часть Россіи, эти пути пролета вѣроятно также были хотя отчасти приурочены къ теченію рѣкъ. На картѣ II проф. Мензбира видно, что наприм. пути пролета птицъ изъ Сибири въ Европ. Россію (до Польши, напр. для *Ruthula erythrina*; Menzbier, pag. 346) проходятъ какъ разъ черезъ черноземную область Россіи. Роль птицъ въ дѣлѣ распространенія растений (для водныхъ растений

---

*) Статья эта была мнѣ любезно указана пр. М. А. Мензбиромъ.

особенно) общепризнана, но она почему то совершенно не привлекает вниманія наших ботанико-географовъ *).

Между тѣмъ если допустить заносъ сѣмянъ птицами, тогда легко объяснить, почему многія рѣдкія растенія приурочены къ долинамъ рѣкъ и къ неприступнымъ мѣстамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ насъ не будетъ удивлять также и случайность и разбросанность мѣстопахожденій такихъ формъ. Я не хочу сказать, что заносъ птицами объясняетъ всѣ особенности флоры скалъ известняка, мѣла и гранита въ центральной Россіи, но хочу лишь указать на еще одинъ по моему мнѣнію, важный факторъ, на который слѣдовало бы обратить вниманіе ботанико-географамъ. Соглашаясь со мнѣніемъ г. Таліева о весьма большой слабости доказательствъ, приводимыхъ защитниками реликтоваго характера многихъ растеній горныхъ боровъ въ черноземной области Россіи и нѣкоторыхъ формъ сѣверной Россіи, мы не можемъ признать объясненіе, предложенное имъ самимъ, исчерпывающимъ вопросъ о происхожденіи удивленныхъ станцій рѣдкихъ растеній **). Несомнѣнно, что дѣятельность человѣка, обнажающаго известковыя и мѣловыя скалы, а также песчаныя почвы, имѣетъ большое значеніе въ смыслѣ подготовленія субстрата для сѣмянъ растеній и уничтоженія состязанія, но сомнительно, чтобы во всѣхъ случаяхъ было достаточно одной этой дѣятельности для объясненія появленія рѣдкихъ формъ. *Daphne altaica* какъ разъ представляетъ такое растеніе, заносъ котораго птицами вполне допустимъ (какія птицы поѣдаютъ плоды *D. altaica* неизвѣстно; плоды *D. Mezereum* поѣдаются скворцами, дроздами и трясогозками).

1899 года, февраля 18 дня, въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы, подъ предсѣдательствомъ г. президента Н. А. Умова, въ присутствіи г. вице-президента П. Н. Горожанкина, гг. секретарей А. П. Павлова и В. Д. Соколова, гг. членовъ: В. М. Арнольди, М. Н. Голенкина, О. А. Гриневскаго, В. А. Дейнеги, Н. Д. Зе-

*) О значеніи заноса птицами ср. Hemsley, Introduction to Reports of Insular Floras (Challenger Reports, Botany. 1885) и Drude: Handbuch der Pflanzengeographie. 1890, p. 127. и сл.; также Уоллэсъ, Дарвинизмъ, Гл. 12.

**) Эндемическія растенія мѣловыхъ скалъ еще настолько плохо изслѣдованы, какъ на это справедливо указываетъ г. Таліевъ, что основывать на нихъ заключенія о древности флоры совершенно невозможно.